

EUROPA ORIENTALIS 9 (1990)

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПОВЕСТЬ XVII - НАЧАЛА XVIII ВВ. И СКАЗКА

ЭЛИЗА МАЛЕК

Появление в X-XI вв. письменности у восточных славян не было (и не могло быть) началом эры безраздельного господства книжной, церковной по преимуществу, культуры. Книжная культура вплоть до конца древнерусской эпохи обслуживала довольно ограниченный круг грамотных: прежде всего представителей черного и белого духовенства, а также светской феодальной знати. Фольклор же продолжал активно развиваться в народной среде, но не был, однако, полностью изгнан из среды господствующего класса и духовенства,¹ а письменная культура в форме устной проповеди, литургических чтений из Библии и житий святых также находила путь к безграмотным «простецам». Следовательно, эти два различных вида словесного искусства не были отделены друг от друга китайской стеной: фольклор все время соприкасался с литературой, оказывая на нее определенное воздействие, и сам такому же воздействию со стороны литературы подвергался.

---

¹ Показателен в этом отношении интерес к устному народному поэтическому творчеству монаха Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина, автора *Повести о Петре и Февронии Муромских* Ермолая-Еразма, царя Ивана Грозного и многих других.

Примером влияния фольклора на письменную литературу Древней Руси может быть, между прочим, использование авторами *Повести временных лет* и других летописей сюжетов и форм народно-эпических жанров (ср. напр.: Азбелев 1963) или лирических плачей и слав в *Слове о полку Игореве*. Взаимодействие книжной и фольклорной культуры проявлялось также в компенсации потребности в лирике и развлекательных жанрах в древнерусской письменности жанровой системой фольклора (Лихачев 1963). Не менее очевидно влияние древнерусской литературы на такие жанры фольклора, как легенда и духовный стих,² следы книжной культуры найдем также в пословицах, загадках (ср. напр.: Адрианова-Перетц 1974) и других жанрах русского фольклора. Одним из видов устного поэтического творчества, оказавших заметное влияние на эмансиацию древнерусской литературы от деловых функций и развитие в ней художественного вымысла, была сказочная проза.

Исследователями накоплено уже довольно много примеров использования сказочных мотивов писателями Древней Руси, стремящимися с их помощью оживить сухое назидательное повествование (ср. сказочные мотивы и образы в севернорусских житиях, в *Повести о Петре и Февронии* в произведениях типа *Повести о старце, просившем руки царской дочери* и *Повести об Андрее Критском*) (Дмитриев 1973; Климова 1983).

Как «наиболее беллетристический жанр фольклора», сказка оказалась одним из существенных факторов зарождения и развития романа и новеллы в европейских и восточных литературах (Мелетинский 1986). Советскими и зарубежными мединистами собрано также довольно много фактов, говорящих об использовании древнерусскими беллетристами «жанровых импульсов» сказки при создании своих оригинальных произведений (ср. Смирнов 1972; Шайкин 1974), однако это еще не означает, что картина взаимоотношений русской повести и фольклорной сказки лишена «темных мест», что мы располагаем достаточно богатым материалом для выводов обобщающего характера. Полный и исчерпывающий ответ на вопрос о степени участия русской народной сказки в процессе созда-

---

² Ср. новейшие работы, посвященные этому вопросу: Kowalska 1987 и Woźniak 1988.

ния древнерусской повести-новеллы возможен лишь после кропотливого исследования как можно большего количества памятников древнерусской повествовательной прозы, испытавших более или менее заметное воздействие сказки.

В настоящем докладе мы хотели бы обратить внимание на три малоизвестных памятника русской беллетристики XVII-нач. XIII вв., тяготеющих к жанру новеллы. Все три повести дают счастливую возможность сочетать сравнительно-исторический метод, предполагающий установление конкретных источников анализируемых текстов, с поисками более общей архетипической традиции, проявляющейся в структуре произведения. Забегая вперед, скажем, что такой архетипической формой для всех изучаемых повестей была фольклорная сказка.

1. *Слово о купцы и о сыне его и о жене сыновне*

Слово о купцы и о сыне его и о жене сыновне было введено в научный обиход М.О. Скрипилем, который ровно сорок лет тому назад опубликовал этот памятник по дефектному списку первой половины XVII в., надеясь привлечь к нему внимание исследователей (Скрипиль 1948). Однако ни он сам, ни никто другой произведения этого не изучал, а между тем *Слово о купцы* принадлежит к числу текстов, представляющих большой интерес как для историков древнерусской литературы, так и для фольклористов.

Сказание о купцы и о сыне его и о жене сыновне открывается экспозицией, подготавливающей и мотивирующей связку действия. В ней говорится о зело богатом купце Иване из Константина-града, который перед смертью дает своему сыну Василию три мудрых заповеди: во-первых, «не повеле ему с царем знатися»; во-вторых, «за татя и за разбойника и за всякого бражника и за лжива человека ко царю не печаловатися» и, в-третьих, «не сказывати ему жены правды ни в чем».

Дальнейшее развитие сюжета полностью подчинено задаче показать правильность советов отца. И поскольку проверка истинности его слов возможна только путем их отрицания, сын сознательно нарушает все отцовские заповеди. Итак, он заводит дружбу с царем, становясь его побратимом, доверяет жене тайну и застуپается перед царем за разбойника, избав-

ляя его от верной смерти. Через некоторое время Василий ссорится с женой и наносит ей тяжелое оскорблечение, после чего жена в сердцах называет мужа «головником» и докладывает царю, что именно он является убийцей царского сына. Василий отрицает перед царем свою вину, и тогда царь велит «поставити жену с мужем с очи на очи», чтобы узнать всю правду. Жена бойко поддерживает свое обвинение и прилагает в качестве улики кровавую рубашку царского сына, которую Василий дал ей некогда на хранение. Купеческий сын вынужден сознаться и говорит царю: «Государь царь, согрешил пред богом и пред тобою. Мой грех ко мне пришел и меня убил». Царь приказывает посадить Василия в темницу аглашатаю повелевает «кликати на торжищи по всяк день», что требуется человек, который бы «на царского побратима осил положил». Только через три года после этого появляется тот самый разбойник, которого Василий избавил от смерти, и именно он решается повесить царского побратима.

Здесь, в момент наивысшего заострения конфликта, обрывается текст *Слова о купцы*, и дальнейший ход событий, ведущих к развязке, а также сама развязка нам неизвестна. Но логика сюжета *Слова* настолько ясна, что мы с большой долей вероятности можем попытаться восстановить недостающие звенья текста. Купеческий сын, испытывающий истинность отцовских советов, на наших глазах убедился, что дружба с царем к добру не приводит, что нельзя надеяться на собственную жену и на благодарность со стороны вора и разбойника. Только он один знает всю правду об исчезновении царского сына, версию о смерти которого придумал, чтобы иметь возможность испытать и царя, и жену. Всеми этими фактами он должен воспользоваться для того, чтобы развязать туго затянутый сюжетный узел. Следовательно, он должен вернуть к царю его сына и отклонить ложное обвинение в убийстве. Такая развязка конфликта кажется нам художественно оправданной. Ниже мы постараемся ее более подробно обосновать.

Как видно из изложения, анонимный автор связывает рассказалную историю с купеческой средой. Факт, что главным героем своего произведения он делает купеческого сына Василия, вызван, как нам кажется, желанием связать сюжет о

проверке добрых советов отца с повестями о купцах, разрабатывающими м. пр. мотив испытания верности жены.³ Но купеческая профессия Василия, равно как и место его жительства, не имеют, однако, никаких сюжетных последствий (Василий не совершает путешествий по торговым делам и не ведет торговли на месте), что позволяет предположить чужеродность этих элементов в основном сюжете *Слова* и заставляет задуматься над существованием другого источника, определившего сюжетную конструкцию изучаемого произведения. И такой источник удалось отыскать. Им без всякого сомнения является новеллистическая сказка о добрых советах, а точнее тот сюжетный тип сказок о добрых советах, который обозначен № 910B у Аарне-Томпсона и № 911 в сравнительном указателе сюжетов восточнославянской сказки.⁴ Сопоставление *Слова о купцы и о сыне его и о жене сыновне с записями фольклорных сказок этого типа* показало, что древнерусская повесть полностью повторяет очередные элементы композиционной структуры сказок о добрых советах. Содержание советов умирающего отца («С паном не водись, с женой не бранись [жене правды не говори], на неродное дитя не полагайся») и способ проверки их сыном (вопреки заповедям отца сын заводит дружбу с паном [или богатым мужиком], берет на воспитание чужого ребенка, рассказывает жене о своем мнимом преступлении, прося ее одновременно содержать сказанное в тайне, потом ссорится с женой, которая обвиняет его перед паном, тот приговаривает слугу к смерти, а приемный сын вызывается стать палачом отца) вполне соопределимы с названным типом сказок. Замена «неродного дитя» разбойником вполне понятна и допустима, так как разбойник из *Слова о купцы* выполняет точно такую же сюжетную функцию, как и приемный сын, т. е. соглашается быть убийцей своего благодетеля. Несколько труднее объяснить замену предмета хищения и мнимого убийства. В большинстве сказок этого типа сын обвиняется женой в воровстве и убийстве драгоценной птицы пана (чаще всего сокола, в одной из версий — Жар-птицы), в *Слове о купцы* предметом хищения становится царский сын, что наводит на мысль о самостоятельной, творческой разработке этого мотива древнерусским ав-

³ Ср.: *Истоки* 1970: 527.

⁴ См.: *Сравнительный указатель* 1979: 229-230.

тором. Однако возможно и другое предположение. Не исключено ведь, что современные печатные сборники сказок не отражают всех стадий развития сюжета, что автору *Слова о купцы* могла быть известна сказка, где говорилось о похищении ребенка, а не птицы. Правомерность такого предположения подкрепляется тем, что среди польских версий сказки о добрых советах есть одна, в которой герой похищает сына своего барина, а жене говорит, что он его убил (Udziela 1892; Krzyzanowski 1962: 275). Итак, более правдоподобной будет гипотеза о заимствовании данного мотива, нежели о самостоятельной его разработке.

Из сказанного выше вытекает вывод о полной зависимости древнерусского автора от устного источника. Нет сомнения, что и не дошедшая до нас связка должна восходить к заимствованному сказочному сюжету. Во всех без исключения вариантах сказок данного типа она сводится к разъяснению мнимым убийцей мотивов своих действий и возвращению похищенного предмета. Следовательно, наша реконструкция содержания не сохранившегося фрагмента *Слова о купцы* правильна.

Но автор *Слова о купцы* следует народной сказке не только на событийном уровне. Он сохраняет также некоторые элементы сказочной обрядности, напр., троичность (ср. три заповеди купца, три нарушения запрета, три года, отделяющие момент приговора и момента казни), и, что еще важнее, глубинный смысл сказки, сводившийся к паремиологическому изречению умирающего отца, который хочет передать сыну свой сугубо бытовой жизненный опыт.⁵ Все это дает нам право видеть в *Слове о купцы*, не книжную новеллу, использующую сюжет фольклорной сказки, а скорее всего одну из самых ранних записей народной новеллистической сказки.

2. *Повесть чудная, како жена избавила мужа от смерти*

Среди памятников русской оригинальной беллетристики переходного периода, редко привлекавших внимание исследо-

---

⁵ Ср. высказывания об отличии литературной новеллы и фольклорно - новеллистической сказки в работе Мелетинского 1986: 168-176.

вателей, но весьма интересных с точки взаимоотношений фольклора и литературы, особое место принадлежит *Повести чудной, како жена избавила мужа от смерти*. Повесть эта сохранилась в единственном списке 30-х гг. XVIII в. и до сих пор не публиковалась.⁶ Первая обратила внимание на этот памятник О.А. Державина в связи с исследованием судьбы французской на русской почве. Она правильно определила зависимость сюжета *Повести чудной* от *Повести утешной о купце, который заложился с другим о добродетели жены своея* Б. Будного, восходившей, в свою очередь, к *Декамерону* Боккаччо, и, пересказав (кстати, не совсем точно) ее содержание, обратила внимание на близость *Повести чудной* русской народной сказке:

Далекий от *Декамерона* и польского варианта, этот рассказ — писала Державина — очень близок к русской сказке и является, по-видимому, позднейшей русской переделкой популярной новеллы (1962:76).

Более подробное изучение влияния фольклора на данное произведение, видимо, не входило в задачи монографии Державиной, а позже, к сожалению, исследовательница к этой теме уже не возвращалась. И так *Повесть чудная*, интересная не только сама по себе, но и как своеобразная параллель к *Повести о Карпе Сутулове*, снова выпала из поля зрения медиевистов.

Напомним ее содержание. В *Повести чудной* рассказывается о том, что в «некоем царстве» жил богатый и славный купец, у которого была очень красивая жена. Купец жил с ней «в совершенном законе и любви», но в некоторое время отправился в торговую поездку «в другие дальние полостины», где встретил своего земляка, тоже занимающегося торговлей. Оба купца поселяются «на единой кфартере», а слава о их богатстве доходит до короля этой страны, который жалует их своей милостью и охотно принимает во дворце. Однажды, придя на свою «кфартеру», купцы начинают разговор о своих женах, и первый из них хвалит красоту и верность своей супруги, второй же высказывает желание биться в присутствии короля об заклад, что «соторвит блуд» с женой товарища и в

---

⁶ Список повести хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки в Ленинграде под шифром Г. XV. 34.

доказательство измены привезет обручальное кольцо с ее пальца. Утром следующего дня оба купца отправляются к королю, и тот соглашается быть арбитром в их споре на жизнь и смерть. Он приказывает купца, похваляющегося своей женой, посадить в темницу и держать под караулом до возвращения его товарища. Второй из купцов тем временем поспешно отправляется в свое царство и с помощью одной бабы попадает в дом купеческой жены под видом приятеля ее мужа, желающего передать ей известия о долго отсутствующем супруге. Во время беседы с купчихой мнимый друг начинает обольщать красавицу. Та притворно соглашается на его предложение, но вместо себя посыпает в спальню переодетую в свои наряды (платье и кольцо) служанку. Обманщик ни о чем не догадывается и, желая как можно скорее овладеть заветным кольцом, отрезает у служанки палец с кольцом и быстро уезжает. Жена купца, уже раньше заподозрившая мнимого приятеля в коварных замыслах, уверяется в своих подозрениях и решает пойти на выручку своему мужу. Получив от короля своей державы посольскую грамоту и согласие на сбор дани, переодевается «в златокованные доспехи и драгое платье», берет с собой триста прекрасных девиц, тоже переодетых в воинское платье, и едет в «палестинские грады до короля Измаила» с требованием уплаты «дань и пошлины». Там узнает все подробности спора и заклада, доказывает свою невинность и спасает мужа от смерти. Король приказывает повесить обманщика, а в честь хитрой и ловкой женщины устраивает пир, после которого отпускает ее с мужем домой. Приехав домой, супруги начинают «жити по-прежнему».

Как видно из пересказа, автор *Повести чудной* действительно воспользовался текстом Будного, заимствуя оттуда завязку в виде заклада купцов, образ бабы-сводни, помогающей обманщику проникнуть в дом добродетельной жены купца, и частично развязку, но другим не менее важным источником, подсказавшим ему интересное развитие конфликта, были былины-сказки о Ставре Годиновиче. Он безошибочно заметил сходство завязки *Повести о купце* и былин-сказок о Ставре Годиновиче и дальнейший ход событий моделировал уже по образцу фольклорного произведения. Напомним что Ставр, подобно купцу Викентию из повести Б. Будного, поддается провокации со стороны князя Владимира и, забыв эпическое правило, запрещающее герою хвастаться молодой женой, похва-

ляется перед ним своим богатством и Василисой Микуличной, говоря:

Она всех князей-бояр да повыманит,
Тебя, солнышка-Владимира, с ума сведет.⁷

Во многом сходны и некоторые другие мотивы книжной *Повести утешной о купце* и устной былины-сказки. И здесь, и там жены героев переодеваются в мужское платье и остаются неузнанными до тех пор, пока им не перестает угрожать опасность со стороны антагонистов (хотя мотивировка мнимой перемены пола в обоих произведениях разная), и здесь и там арбитром в споре оклеветанной женщины с ее ложным любовником является царь (король) другого государства, и т.д. и т.п.

Не без значения был, вероятно, и тот факт, что в некоторых старейших вариантах былины Ставр был представлен «с замашками купца» (Миллер 1897: 280) или купца-ростовщика, а его жена, подобно Флорентии из *Повести утешной о купце*, отличалась не только верностью своему мужу, но и мудростью, а также знанием некоторых «мужских» занятий.

Все это (сходство завязки былины и книжной повести, общий для обоих произведений мотив «перемены пола», купеческий облик Ставра, красота и верность его жены) и дало анонимному автору петровской поры импульс для контаминации сюжетов переводной повести и русской былины-сказки о Ставре Годиновиче и создания на их основе совершенно нового, оригинального произведения.

Автор *Повести чудной* поставил в центре произведения образ купеческой жены, во многом близкий образу жены Карпа Сутулова-Татьяны. Во многом сходны также приемы построения этого образа. Автор *Повести чудной* постепенно углубляет характеристику своей героини. И если экспозиция говорит только об одной из черт купеческой жены — ее красоте и любви к мужу, то дальнейшее развитие действия обнаруживает все новые ее достоинства. С момента встречи с мнимым другом ее мужа, героиня *Повести чудной* (и здесь снова ее поведение напоминает поведение Татьяны Сутуловой) обнаруживает и «пускает в ход» свои настоящие достоинства — ум,

⁷ Цит. по изданию: *Былины*. 1957: 251.

хитрость и ловкость. И именно эти качества помогают купеческой жене освободить мужа, а себя очистить от ложных обвинений. И посрамить противника мужа, выиграть «за него» залад.

Очень показателен факт, что автор *Повести чудной* ориентировался при этом на былину о Ставре, а точнее на те ее варианты, которые показывают хитрость-мудрость Василисы Микуличной, ее умение ловко одурачить князя Владимира и его бояр (варианты, в которых жена Ставра рисуется богатыршей, побеждающей мужчин в стрельбе из лука и в кулачном бою, его не привлекали). Интересно отметить, что автор *Повести чудной* не был единственным древнерусским книжником, который проникся уважением к умной Василисе. Уже в конце XVII в. жена Ставра приобрела репутацию мудрой, о чем свидетельствует, напр., ред. С *Сказания о молодце и девице. Молодец*, желая польстить своей возлюбленной, сравнивает ее м.пр. с героиней былины: «... а мудрость твоя аки Василисты Ставровы жены Годунова».⁸ Именно хитрость-мудрость Василисы выдвигают на первый план авторы древнейших записей былины о Ставре.⁹ Но только автор *Повести чудной* сумел творчески использовать былинный материал.

Благодаря этому *Повесть чудная* — это прежде всего повесть о хитрой жене, способной ловко обмануть соперника своего мужа и выручить его самого. Момент сомнения мужа в верности жены, так сильно звучавший в *Повесть о купце*, очень смягчается, благодаря чему на первый план выдвигается борьба купеческой жены за освобождение мужа, а не за свою реабилитацию. Но автор *Повести чудной*, как и автор *Повести о Купце Сутулове*, еще не решается отказать положительной героине в характерной для древнерусской традиции добродетели (она набожна и верна мужу). Отрицательный герой — тоже совсем в духе старой традиции — наказывается жесточайшим образом.

Но все же *Повесть чудная* тяготеет к жанру новеллы. С новеллой роднит ее обращенность к частной жизни героев, демократизм героев, явная вымышенность сюжета, динамичность повествования, трехчленная композиция и непредска-

---

⁸ Цит. за Дмитриев 1968: 208.

⁹ Ср.: *Былины* 1960: 229 и сл.

зумость развязки. Анонимный автор прокладывал своим произведением дорогу русским беллетристам, которые еще во второй пол. XVIII в. будут создавать свои повести-новеллы, используя одновременно национальную и инонациональную традицию. По такому же пути пойдет и автор следующей повести.

3. *Повесть о Аквитане*

Началом XVIII в. датируется интересная *Повесть о Аквитане*, известная также под заглавием *О обретшем незнаемый путь и избегшем биения своим разумом*.¹⁰ Повесть эта рассказывает о юном воине Аквитане из города Сены, который «имел обыкновение познати чюжия страны» и который, ехав некогда по незнаемому пути, оказался на распутье, где стоял столб со следующей надписью: «Аще кто поедет в путь направо, то будет сам сырт, а конь гладен. Аще же поедет налево, то будет конь сырт, а сам гладен. Аще же поедет прямо путем, то будет сам и конь сыты, толки будет бит».¹¹ Аквитан выбирает прямоезжую дорогу и через некоторое время подъезжает ко двору богатого господина, известного тем, что он, принимая гостей в своем доме, угощает их лучшими яствами, но одновременно старается найти любой повод для того, чтобы их избить. Однако наш герой быстро угадывает коварные замыслы хозяина и, ведя себя согласно принципу «в чужом доме не указывай», выходит победителем из этого своеобразного поединка (он выполняет все, даже показавшиеся ему нелепыми, пожелания господина дому: позволяет хозяйке вымыть свои ноги, садится «в первейшее место» за стол и первым пьет вино, умело «обрезывает куря индейское», вовремя заметив на серебрянной чаше надпись – «Аще кто похвалит мед, будет бит. Кто похулит мед, будет бит», хитро уклоняется от прямого ответа на вопрос господина о вкусе напитка, вопреки ожиданиям хозяина не только не заступается за хозяйку, которую хозяин хочет сжечь на костре, но к тому же

---

¹⁰ Публикацию текста и исследование литературной истории *Повести об Аквитане* см. в Малэк 1989.

¹¹ Здесь и дальше все цитаты из *Повести о Аквитане* приводятся по самому исправленному списку из собрания рукописей Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, шифр - Q. XV. 97.

просит его подождать, пока не приведет своей жены, и, наконец, остроумно обыгрывая пословицу «Даровому коню в зубы не смотрят», не позволяет слуге господина отнять себе дарованного коня, на котором и уезжает из «гостеприимного» дома).

Из беглого пересказа содержания повести видно, что она использует различные письменные источники (*Житие Эзопа баснослова*, фацецию *О раздробившем по писанию куря*) и источники фольклорного происхождения (сказки, устные анекдоты и пословицы).

Композиция *Повести о Аквитане* подсказана автору очень популярной у восточных славян сказкой о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде.¹² Самые большие сходства с сюжетом этих сказок наблюдаем в первой части *Повести*. Аквитан, подобно сказочному герою, отправляется «куда глаза глядят» и, оказавшись на распутье, выбирает самую трудную из трех дорог. Но если в сказке выбор труднейшего из путей связан с риском потерять жизнь, если «истинный сказочный герой, как заметил В. Я. Пропп (1984: 226), — всегда едет по дороге смерти, встречает смертельную опасность и справляется с ней» (в самом близком по словесному оформлению варианте сказки о молодильных яблоках герой читает на столбе следующую надпись: «вправо идти — молодец будет сыт, а конь голоден; налево идти — молодец будет голоден, а конь сыт; прямо идти — живому не быть» (Афанасьев 1985: 353), то в *Повести о Аквитане* герою угрожают лишь побои в доме сердитого господина. К тому же сказочный герой никак не мотивирует своего решения, младший из братьев как бы бессознательно выбирает прямую дорогу и избегает смерти только благодаря вмешательству чудесного помощника, а Аквитан спасается от побоев своим собственным умом. Прочитав надпись на столбе, он вполне резонно замечает: «Аще аз зла не сотворю кому, то кто мя начнет бити?» И пускаясь в дальнейшую дорогу, тщательно обдумывает каждый из своих поступков. Таким образом последующие приключения Аквитана являются следствием сознательного выбора, а не чистой случайности, господствующей в сказке.

---

¹² Сравнительный указатель сюжетов восточнославянской сказки фиксирует 37 записей этого сюжета. См. *Сравнительный указатель* 1959: 155–156.

Следующий сегмент сюжетной структуры *Повести о Аквитане* — вход в дом сердитого хозяина и выполнение трудных задач — также подсказан структурой волшебной сказки о молодильных яблоках. Дом сердитого господина имеет много черт сторожевой заставы, вход в которую связан с определенными условиями: умением вести себя, соблюдением своеобразного сказочного этикета. И тот факт, что проникновение в дом сердитого хозяина сопряжено с определенной долей риска, и тип ограды, отделяющей пространство героя и антагониста, и выспрашивание героя слугой тоже роднит *Повесть о Аквитане* со сказкой о молодильных яблоках. Для большей наглядности приведем фрагмент повести, рассказывающий о входе Аквитана в дом сердитого господина:

Грядущу же ему немало поприщ и се узре среди онаго пути того богатого, иже выше речеся, дом, огражден же оградою. Около двора на полпоприща токмо по единому бревну на земли лежаше, врата же дому его токмо основание имущи, путь же лежаше сквозе врата. Оный Аквитан приехав ко братом и хотяши ехати сквозь двор онаго богатаго, и тако помыслив в себе: «Аще аз во врата чрез двор поеду без позволения дому господина, то имут мя бити». И тако сседе с коня, поклати во врата оны. Изыде же к нему слуга господина онаго и вопроси Аквитана: «Кто есть ты?» Аквитан же сказа ему о себе. Богатый же оныи господин, слыша о путешествующем сем Аквитане, возрадовася, повеле его взяти на двор да исполнит над ним нрав свой, напитав его доволно и бив, отпустит. И тако изshed из храмины своея в стречю ему и прият его, радуяся, и посади в храмине своей (л. 5 об.).

Как видим, Аквитан попадает в дом к хозяину, который, как и сказочный даритель, совмещает в себе враждебные и гостеприимные качества (Пропп 1986: 52-166). Он им угощается, но угощение это является одновременно испытанием героя, испытанием, из которого — как говорилось выше — Аквитан выходит победителем.

Очевидное сходство *Повести о Аквитане* с волшебной сказкой на поверхностном уровне не должно нам заслонять коренного переосмысления сказочных функций на глубинном уровне, переосмысления, ведущего к весьма существенным изменениям смыслового наполнения очередных композиционных звеньев сказки о молодильных яблоках. Анонимный автор древнерусской повести пошел путем, который был хорошо известен народным сказителям, превращающим волшебные

сказки в сказки новеллистические. Опираясь на структуру волшебных сказок, сюжет которых развивается через трудные задачи, он в то же время подвергает ее существенной трансформации. Решающее значение имела здесь ликвидация «волшебного компонента» при выполнении трудных задач (Мелетинский 1986: 175), благодаря чему создавался значительно больший простор для активности героя, который в таких условиях мог продемонстрировать свои личные достоинства: незаурядный ум, ловкость, хитрость.

Можно с полным правом сказать, что автор *Повести о Аквитане* очень последовательно переосмыслияет очередные звенья сюжета волшебной сказки. То, что на первый взгляд может показаться проявлением его неумелости, на поверку оказывается художественно оправданным. Раз вступив на путь «новеллизации» волшебного сюжета, он идет по нему уверенной поступью. И если так посмотрим на *Повесть о Аквитане*, то сразу поймем, почему автор заканчивает повествование испытанием героя в доме богатого хозяина. Дело в том, что трудные задачи, поставленные перед Аквитаном, утратили функцию предварительного испытания героя, следовательно, за ними не могло уже наступить основное испытание, ведущее к достижению полного сказочного благополучия, т.е. к сватовству и воцарению. Добытый хитростью конь сердитого господина при соблюдении законов волшебной сказки мог бы стать чудесным помощником героя, здесь же он лишается всех атрибутов волшебности (ведь чудесному коню в зубы не заглядывают!), а его похищение становится еще одним доказательством сообразительности и хитрости героя. И именно оно становится пуантом, художественной кульминацией всего произведения.

Последовательная бытовизация сюжетной схемы волшебной сказки приводит к изменению амплуа главного героя. Она начинается уже с момента выбора пути. Как помним, третий член сказочной формулы выбора дороги: «идти прямо — живому не быть» заменяется в повести фразой: «Аще же поедет прямо путем, то будет сам и конь сыты, толки будет бит». Дальнейшее развитие сюжета не раз подтверждает обоснованность этой угрозы. Амплуа героя волшебных сказок о младильных яблоках не предусматривает потасовок и побоев (даже в виде потенции), ни тем более физиологических подробностей, какие в *Повести о Аквитане* тоже появляются (ср.

фрагмент, в котором рассказывается об «испущении» героем «естественной мочи» после обильного угощения). Аквитан же все время вынужден спасаться от угрожающих ему побоев. И именно необходимостью контрдействий против коварных замыслов хозяина вызваны очередные уловки Аквитана, который на наших глазах превращается в плута.

Но плутовство древнерусского героя мало чем напоминает плутовство Эзопа, принявшего на себя маску простака и одурачивающего сильных мира сего. Социальная враждебность антагониста главного героя в *Повести о Аквитане* практически не маркируется, в его плутовстве есть своеобразная «артистичность», источником которой является упование Аквитана не на счастливый случай, но на свой острый разум. И именно на разум, помогающий его обладателю выйти сухим из воды, на разум-хитрость указывает заглавие повести.

Поскольку однако плут связан архетипически с простаком и шутом (Мелетинский 1985: 228), то теоретически можно было ожидать появления такой редакции *Повести о Аквитане*, в которой герой превратился бы в простака и шута. Такое превращение действительно совершается в интересной *Повести о крестьянине Странжиле, обманувшем господина и избавившем себя от побой Ивана Новикова* (Новиков 1786). Автор *похождений Ивана гостиного сына* сохранил сюжетную канву *Повести о Аквитане*, но значительно углубил конфликт между действующими лицами (антагонистами в его повести являются простой крестьянин-бобыль и богатый дворянин), благодаря чему Странжил (в отличие от Аквитана) выступает в облике простака, плута и шута.

Итак, мы показали три различных попытки анонимных русских авторов XVII - нач. XVIII вв. создать повесть-новеллу. Как и следовало ожидать, ни одно из названных произведений не изобретает совершенно нового сюжета, отражающего современные автору события. Все три автора используют готовые сюжетные схемы, а даже готовые тексты. Но наши наблюдения показывают, что в процессе создания русских образцов новеллы используются национальные варианты сказок о судьбе (*Слово о купцы*) и о верной жене (*Повесть чудная*), а также приемы превращения волшебных сказок в сказки новеллистические (*Повесть о Аквитане*). Причем переход от новеллистической сказки к книжной повести-новелле

совершается полнее в *Повести чудной*, так как именно здесь автору удается отойти от чистой ситуативности сказочной первоосновы и перенести акцент «с ситуации на постоянное свойство персонажа, проявляющееся в ситуации» (Мелетинский 1986: 209), в то время как автору *Слова о купцы* еще не удалось перешагнуть этой границы. Создание плутовской новеллы о Аквитане сопряжено, в свою очередь, с искусственной трансформацией композиционной схемы волшебной сказки, подсказанной автору опытом фольклорных сказителей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адрианова-Перетц В.П.

1974 Древнерусская литература и фольклор. Ленинград 1974.

Азбелев С.Н.

1963 Летописание и фольклор. — В книге: Русский фольклор, т. 8. Москва-Ленинград. Наука 1963: 3-28.

Афанасьев А.Н.

1985 Народные русские сказки. Т. 1. Москва 1985.

Былины

1957 Былины. Издательство Московского университета 1957.

1969 Былины в записях и пересказах XVII-XVIII вв. Москва-Ленинград 1960.

Державина О.А.

1962 Фацции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. Москва 1962..

Дмитриев Л.А.

1968 Первоначальный вид и время возникновения Сказания о молодце и девице. — Труды ОДРЛ, XXIV (1968): 205-209.

1973 Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Ленинград 1973.

Истоки

1970 Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе, под ред. Я.С. Лурье. Ленинград 1970.

Климова М.Н.

- 1983 Повесть об Андрее Критском и фольклор (некоторые аспекты сопоставительного анализа). — В книге: Рукописная традиция XVI-XIX веков на востоке России. Новосибирск 1983, с. 27- 38.

Kowalska H.

- 1987 Rosyjski wiersz duchowny i kultura religijna staroobrzędowców pomorskich. Wrocław 1987.

Krzyżanowski J.

- 1962 Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. 1. Wrocław 1962.

Лихачев Д.С.

- 1963 Система литературных жанров древней Руси. — В книге: Славянские литературы. У Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). Москва 1963, с. 47-70.

Малэк Э.

- 1989 Источники и литературная история «Повести об Аквитане». — Труды ОДРЛ, XLIII (в печати).

Мелетинский Е.М.

- 1986 Введение в историческую поэтику эпоса и романа. Москва, Наука 1986.

Миллер В.Ф.

- 1987 Очерки русской народной словесности. Т. 1. Москва 1987.

Новиков Иван

- 1786 Похождения Ивана Гостиного сына и другие повести и сказки, ч. 11. Санкт-Петербург 1786, с. 5-11.

Пропп В.Я.

- 1984 Русская сказка. Ленинград 1984.

- 1986 Исторические корни волшебной сказки. Ленинград 1986.

Скрипиль М.О.

- 1948 Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. — Труды ОДРЛ, VI (1948): 327-328.

Смирнов И. М.

- 1972 От сказки к роману. — Труды ОДРЛ XXVII 1972: 284-320.

Сравнительный указатель

- 1979 Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка, под ред. К.В. Чистова. Ленинград 1979, с. 229-230.

Udziela R.

- 1892 "Testament i ciekawość" — In: Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej, wydany staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności, T. 16.

Woźniak A.E.

1988 Podanie i legenda. Z badań nad rosyjską prozą ludową, Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego 1988.

Шайкин А.А.

1974 «Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле» и народная сказка. — Труды ОДРЛ, XIX (1974): 214-222.

Nel presente lavoro l'A. analizza lo *Slovo o kupcy i o syne ego i o žene synovne*, la *Povest' cudnaja, kako žena izbavila muža ot smeri* e la *Povest' o Akvitane*, tre opere poco conosciute del XVII - inizio XVIII sec. che tendono al genere della novella. L'esame delle *povesti* in questione ha dimostrato che molti degli elementi in esse presenti sono stati tratti dal folclore. Creando le loro *povesti*-novelle letterarie, gli anonimi autori hanno utilizzato soggetti e poetica delle varianti russe delle fiabe sul destino (*Slovo o kupcy*) e sulla moglie fedele (*Povest' cudnaja*), nonché l'esperienza dei narratori popolari che trasformarono le fiabe di magia in fiabe-novelle (*Povest' o Akvitane*).

The present paper is an attempt at analysis of the three Old Russian *povesti*: *Tale of Merchant, his Son and Son's Wife*; *Wonderful Tale about Wife that saved her Husband from Death*; *Tale of Akvitan*, that reveal some striking features of the novella genre. The study of the first and the second text shows that their sujet and structure come down from folk novellistic tale. The unknown author of the third *povest'* has evidently had adopted the methods of Russian tale-tellers in transforming the fairy tale into the novellistic tale.